

АРМЯНСКАЯ СРЕДНЕВЕКОВАЯ ПОЭЗИЯ

САЯТ-НОВА

СТИХОТВОРЕНИЯ

АРУТИН САЯТ-НОВА (1722-1795)

Великий армянский поэт. Стихи писал на армянском, грузинском и азербайджанском языках. Отец поэта, Карапет Саадян, выходец из г. Алеппо, мать, Сарра, уроженка Тбилиси. Творческая жизнь поэта связана с Тбилиси, тогдашним центром культурной жизни Закавказья. Сохранились рукописи (автографы) стихов поэта. Некоторые стихотворения датированы самим поэтом 1742-1759 годами. Недавно была обнаружена новая рукопись поэмы «Книга скорбных песнопений» Григора Нарекаци; переписанная Саят-Новой в 1761 году в городе Гилян (Персия).

«ТЫ, БЕЗУМНОЕ СЕРДЦЕ! МНЕ ВНЕМЛИ...»

Ты, безумное сердце! мне внимли:
Скромность возлюби, совесть возлюби.
Мир на что тебе? Бога возлюби,
Душу возлюби, деву возлюби!

Божий глас внимли и твори добро,
В житиях святых слово — серебро;
Святых целей три: возлюби перо,
Возлюби письмо, книги возлюби.

Сердце, пусть тебя скорби не гнетут!
Знай, что хлеб и соль люди чести чтут,
Но не будь смешным: возлюби свои труд,
Мудрость возлюби, правду возлюби.

Там, где господин, будь не горд, но тих;
Скромным будь всегда у господ своих;
Но у всех — душа: возлюби чужих,
Бедных возлюби, гостя возлюби.

Так, Саят-Нова, мудрость жить велит.
Что нам эта жизнь? Страшный суд грозит!
Душу берегай: возлюби и скит,
Келью возлюби, камни возлюби!

1 мая 1753

«ТВОЙ СИЛЕН УМ: ТАКИМ РОЖДЕН,- СЕБЯ ГЛУПЦУ РАВНЯТЬ ЗАЧЕМ?...»

Твой силен ум: таким рожден,-
себя глупцу равнять зачем?
Меня за свой вчерашний сон презрительно считать зачем?
Я издавна горю, сожжен! Опять меня сжигать зачем?
Устала ты, поверю я, меня же обвинять зачем?

Привет! Ведь ты сильна, как тот Ростом,- сын Зала! —
дочь царя!
Старинный твой прославлен род, красы зеркало, дочь царя!

Коль грешен я, пусть меч не ждет меня нимало, дочь царя!
Но господу побойся ты: напрасно враждовать зачем?

Кто ранен, позовет врача: не повредит, поможет он;
Раба ругают сгоряча, судиться все ж не может он.
Кто сердцем светел, как свеча, молву людей отложит он.
Я богом истинным клянусь: меня нещадно гнать зачем?

Не всем мой ключ гремучий пить:
 особый вкус ручьев моих!
Но всем мои писанья чтить: особый смысл у слов моих!
 Не верь: меня легко свалить!
 гранитна твердь основ моих!
Так наводненьем без конца их тщетно подрывать зачем?

Вьет ветер морской, песок гоня:
 песка не меньше будет все ж!
Живу ль, не станет ли меня,-
 толпу напев разбудит все ж!

Уйду, но в мире с того дня и волос не убудет все ж!
 В Абаш, к арабам, к индам
прах Саят-Новы сослать зачем?

1753

«ЧУЖБИНА — МУКА СОЛОВЬЯ: ГОД — САДА ОН РОДНОГО ЖДЕТ!...»

Чужбина — мука соловья: год — сада он родного ждет!
Чтоб подала рука твоя вина мне, сердце снова ждет!
С другими ты, и мучусь я: как раб царя земного ждет!
Созрел грудей твоих шамам,- сосуда золотого ждет!

Слова бессильны пред тобой! Как алый лик твой описать?
Как бровь изобразить сурьмой? И золота тут мало взять!
 И только стан прекрасный твой
 овалу плеч твоих под стать!
А золото твоих волос давно луча дневного ждет!

Ты с детства слышишь голос хвал:
 но славить красоту я рад.
Ковчег — твоих грудей овал, чтоб ставить амбру и мускат.
 Не может, кто тебя встречал,
 представить лучший миг услад!

Рука — самшит, а пальцы — воск:
хрустальных спиц он снова ждет.

Нет, я не полюблю другой!
Сдается: ты мне суждена!
Лишь я неделю не с тобой, как рвется каманчи струна!
Сам царь иль врач Лохман * со мной,
а мне поется: «Где она?»
Им раны не попять моей: она клинка стального ждет!
Красавица! В тоске души один брожу, сожжен тобой!
Красавица! О, не спеши! дай погляжу, пленен тобой!
Красавица! мир чей, реши: сужу, что отнят он — тобой!
Доколе жив Саят-нова, тебе ль певца иного ждать!

1758

* Лохман — придворный врач.

«УГОДЛИВО, НАРОДНЫЙ РАБ! СЛУЖИТЬ СТУПАЙ, САЯТ-НОВА!..»

Угодливо, народный раб! служить ступай, Саят-Нова!
Стяжать отличие царя не всяк мечтай, Саят-Нова!
И пусть подносят желчь тебе, ты сахар дай, Саят-Нова!
Но от камней свое стекло оберегай, Саят-Нова!

Тупицу в школу помести,- от розг не поумнеет он,
Покуда из него злой дух покорно не ответит вон;
Кто черен, будет век таким, от мыла не белеет он;
Безродный в знать не лезь,
кривуль не выпрямляй, Саят-Нова!

Когда б ты звезды сосчитал и знал число очей ночных,
Погубит злое дело — все: чти жития людей святых!
Слова спасителя — жемчуг, прекраснее лилией лесных,
И свиньям лал и жемчуга ты не бросай, Саят-Нова

Там — радость свадьбы,
там — печаль, там — пир и песнопенье — там
Там — двое любящих в саду,
в церквах богослуженье — там;
Коль волю духа ты творишь,
может быть и тленья — там,
Водой шумящей унесен, не унывай,
Саят-Нова!

КАМАНЧА

Из всех людьми хваленных лир
 полней звучишь ты, каманча!
 Кто низок, не иди на пир:
 пред ним молчишь ты, каманча!
 Но к высшему стремись:
 весь мир, всех покоришь ты, каманча!
 Тебя не уступлю я: мне — принадлежишь ты, каманча!

Ушко — серебряное будь, сверкай на голове — алмаз;
 Рука — слоновой кости будь,
 на чреве — перламутр, что глаз;
 Струна — из злата свита будь,
 резьбой пленял, железо, нас;
 Ты — бриллиант и лал!
 И суд — всех посрамишь ты, каманча;
 Смычок быть должен золочен,
 чтоб пышно он блистал, звеня;
 Певучий волос — быть сплетен из косм крылатого коня,
 Тем, как бальзам, даришь ты сон,
 тех ты бодришь всю ночь, до дня;
 Ты — золотой сосуд с вином,
 и всех пьянишь ты, каманча.

В ашуге две души с тобой: ему и чай и кофе есть;
 Когда он утомлен игрой, на полке ты находишь
 Когда ж поет, - вновь пир горой,
 ты — празднеств и гуляний весть!
 Собрав красавиц вокруг себя,
 их всех манишь ты, каманча!

Ты всем даешь веселый вид,
 с тобой опять здоров больной;
 Чуть сладкий зов твой зазвучит,
 блажен, кто говорит с тобой.
 Проси, да скажут:
 «Бог продлит — дни нас пленявшего игрой!»
 Доколе жив Саят-Нова, что не узришь ты, каманча!

«МЕНЯ И МИЛЮЮ МОЮ ГОДИНА ТА Ж РОДИЛА, ЗНАЙ...»

Меня и милую мою година та ж родила, знай,
И потому я вздох таю, а в сердце кровь застыла, знай,
Я днем и ночью слезы лью, а в грезах много пыла, знай,
Мой влажен глаз, язык сожжен,
уста любовь спалила, знай.

Ах, сердце замерло в груди, утомлено борьбой оно,
И око тускло, погляди, томится по одной оно,
Тьма перед мыслью впереди, лишь пение — со мной оно,
Но мне надежды в жизни нет, близка моя могила, знай.

Сожжен, изранен, я брожу, приюта нет родного мне,
Я острых слов не нахожу, но для чего и слово мне?
Тысячекратно я тужу: дано так много злого мне,
И мысль и память как в цепях,
меня пучина скрыла, знай.

Но сердца траурен наряд,
и кровь из глаз струится вновь,
Как тучи на море лежат,
так жаждет грудь упиться вновь.
Лечить я рану сердца рад,
но можно ль исцелиться вновь?
Так истекаю кровью я, ах!
Я отвергнут милой, знай!

Кто видит, говорит сейчас:
«Ты гибнешь, ах! Саят-Нова!
Тебя встречать ли нам не раз, кровь на очах,
Саят-Нова!
Иль лучшей девы, лучших глаз нет на пирах,
Саят-Нова!
Вся жизнь прошла, как сон,
плодов лоза не подарила, - знай!

1759

«Я — НА ЧУЖБИНЕ СОЛОВЕЙ, А КЛЕТКА ЗОЛОТАЯ — ТЫ!...»

Я — на чужбине соловей,
а клетка золотая — ты!
Пройдешь, как по ковру царей, лицо мне попирая, ты!
Твои ланиты — роз алей, как образ дивный рая — ты!
Как шаха, я тебя молю; молчишь, не отвечая, ты!

О милая! Вошла ты в сад и взорами цветы палишь:
Твои глаза огонь струят, ты силой, красоты палишь,
А я своим мученьям рад: сгораю я, а ты палишь...
Никто так стройно не ступал,
как ходишь, всех сжигая, ты!

Причти меня к своим рабам!
Что я твой раб, не скрою я!
Поставь меня к своим вратам:
страдать в темнице стою я!

Я жив иль мертв, не знаю сам, но болен лишь тобою я!
Как море, как Араз *, мечусь: причина — дорогая, ты!

Ты, с пятнышком лица, мила;
кто видел, тот пленен тобой,
Хотя ты мной пренебрегла, но суд произнесен тобой.
Ты отвернулась, отошла, не выслушан мой стон тобой,
Хотя жизнь можешь даровать, как царь повелевая, ты.

Саят-Нова сказал в слезах: «Я слез не лью, пока могу,
Но буду выносить я страх и скорбь свою, пока могу.
Хочу быть славным на пирах, тебя пою, пока могу...
Когда б со мной, саз золотой,
вошла на пир, сверкая, ты!»

** Араз — старое название реки Аракс.*

К СОЛОВЬЮ

Откуда ты? (Я соловью.)
Не плачь! не плачь! я слезы лью,
Ты розу ждешь, я — милую...
Не плачь! не плачь! я слезы лью.

Пой, соловей, песнь соловья!
Счастливой будь тропа твоя!
Тебе — цветок, мне — милая...
Но ты не плачь! я слезы лью.

В душе моей — тоска по ней,
Как острый шип в груди твоей.
Цветок иль яр? что сладостней?
Не плачь! не плачь! я слезы лью.

Как кипарис, один стою.
Пой, соловей! и я пою.
Ты розу ждешь, я — милую...
Но ты не плачь! я слезы лью.

Певец! мила мне песнь твоя!
Пылаем мы, и ты, и я...
Саят сказал: «О милая!
Не плачь! не плачь! я слезы лью».

«НЫНЧЕ МИЛУЮ МОЮ ВИДЕЛ Я В САДУ...»

Нынче милую мою видел я в саду;
След подковки золотой освятил гряды:
Словно розу соловей, я воспел звезду,
Взор затмился мой слезой, разум был в бреду.
Ах, пусть враг мой попадет, как и я, в беду.

Яр моя! твой нежный вид душу тайно жжет,
Образ твой — шербет любви, губы — сладким мед.
Словом, взглядом многих ты мучишь в свой черед.
Что ж, убей, по не скажи, что и я — не тот!
Пусть умру, вверяю жизнь — твоему суду.

Пряди кос твоих весь год туго сплетены,
Мед в устах, могли б им быть груди смочены,
Расцветает алый рот между роз весны...
Но садовника глаза влагою полны:
Посмотри, как соловей, я пою и жду.

Ты прекраснее стократ, чем и твой портрет;
Если в комнату войдешь, тьмы без лампы нет;
Как вином мускатным дом, дух тобой согрет;
И в садах перед тобой блекнет каждый цвет;
Ветер льнет к тебе, вокруг воздух как в меду!

Знай: другой не воспою, ты доколь жива!
Выслушай, матах тебе: искренни слова!
Хлеб и соль не забывай, волю божества!
От любви к тебе — в тюрьме я, Саят-Нова!
Я теряю разум, я — вовсе пропаду!

«Я В ЖИЗНИ ВЗДОХА НЕ ИЗДАМ, ДОКОЛЕ ДЖАН ТЫ ДЛЯ МЕНЯ!...»

Я в жизни вздоха не издам, доколе джан ты для меня!
Наполненный живой водой златой пинджан * ты для меня!
Я сяду, ты мне бросишь тень,
в пустыне — стан ты для меня!
Узнав мой грех, меня убей: султан и хан ты для меня!

Ты вся — чинарный кипарис; твоё лицо — пранги-атлас;
Язык твой — сахар, мед — уста,
а зубы — жемчуг и алмаз;
Твой взор — эмалевый сосуд,
где жемчуг, изумруд, топаз.
Ты — бриллиант!
Бесценный лал индийских стран ты для меня!

Как мне печаль перенести? иль сердце стало как утес?
Ах, я рассудок потерял! в кровь обратились токи слез!
Ты — новый сад,
и в том саду, за тыном из роскошных роз,
Позволь мне над тобой порхать:
краса полян ты для меня!

Любовью опьянен, не сплю,
но сердце спит, тобой полно:
Всем миром пусть пресыщен мир,
но алчет лишь тебя оно!
С чем, милая, сравню тебя? — Все, все исчерпано давно.
Конь-Раш ** из огненных зыбей, степная лань ты для меня!

Поговори со мной хоть миг, будь — милая Саят-Новы!
Ты блеском озаряешь мир, ты солнцу — щит средь синевы!
Ты — лилия долин, и ты — цветок багряный средь травы.
Гвоздика, роза, сусамбар и майоран ты для меня!

* Пинджан — особый сосуд, фиал.

** Конь-Раш — конь Рустама из персидского эпоса.